
Письма
с крыши
обсерватории
Pustoy

Pustoy

Письма с крыши обсерватории

«Автор»
2026

Pustoy

Письма с крыши обсерватории / Pustoy — «Автор», 2026

Два года назад Сима Нево сидела на крыше рядом с незнакомцем и пообещала звёздам: если они ещё встретятся, она оставит ему половину одеяла. Теперь её записка падает с неба, а рядом оказывается Лор Дальский. После статьи, в которой её наблюдения уместились в сноску, Сима охотнее уступила бы ему дырявый зонтик.Вслед за её письмом возвращаются чужие. Одни приносят людям то, чего они ждали годами, другие вытаскивают на свет тайны, которые вовсе не стоило доверять бумаге. Разгадку можно увидеть с крыш Липцы. Сима и Лор снова проведут у одной трубы долгие ночи. Самый трудный вопрос придётся задать наутро, когда звёзды уже ничего не подскажут.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Половина одеяла 6
Глава 2. Складка на обороте 10
Глава 3. Тринадцать гвоздиков 14
Глава 4. Угол падения 18
Глава 5. Жалоба на хорошую погоду 22
Глава 6. Карманный океан 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Pustoy
Письма с крыши обсерватории

Pustoy
Письма с крыши обсерватории

Глава 1. Половина одеяла

«Если я ещё встречу кого-нибудь, кто глядит в небо, я оставлю ему половину моего одеяла. Не смейте опускать на меня человека с небес. Мне достаточно половины ночи».

Сима Нево написала эту глупость два года назад. Была полночь, в комнате не топили, и отыскать второй носок оказалось гораздо труднее, чем признаться созвездию в одиночестве. Что проще, когда в городе есть обычай отправлять письма звёздам? Написанное сгорает в вышине, тебе становится полегче, носок утром находится. Теперь Сима стояла на крыше обсерватории с этой самой запиской на сапоге. Носок, припомнила она с досадой, так и не нашёлся.

Медовая сторона открытки прилепилась к пряжке, а от уголка вверх тянулась синяя нить. Сима придержала открытку пальцем и дунула на нить. Та не шевельнулась, хотя примерно в тот же миг на соседней крыше встала дыбом жёлтая кошка и, не одобрявшая ранних утренних сквозняков, боком отправилась спать за дымовую трубу.

Из открытого окна донеслось хихиканье.

— Если это Тина, лучше сразу отзовись, — сказала Сима. — Я ужасно злопамятна. Помнишь, как веником за тобой бегала?

— Ещё бы. Два раза попало.

Голос у Тины за ночь заметно окреп и понизился на октаву. Сима согнулась в пояснице и посмотрела между шестами для белья. Так и есть. На свет выполз сперва плохо остриженный затылок, потом за ним целый Лор Дальский.

— Опять сам себя стриг?

— В этот раз с разметкой. Провёл на зеркале линию, поставил на ней три засечки, убедился, что уши у меня разной высоты. На этом все научные основания для стрижки кончились. Ты не видела здесь мокрого серого конверта?

Сима отпустила нить. Её открытка соскользнула с туфли в тень от трубы. Там она пока останется. Ровно в пять сорок должна была подняться над соседней дымовой башней Рыжая Телега, самая неприметная группа звёзд во всём весеннем расписании и единственная, для которой у Симы уже набиралось шестнадцать ясных ночей без пропуска. Пять тридцать две. Сколько успеет за восемь минут лишённая сна женщина с мокрой ногой и нежеланным гостем? Сверху на башне были вывешены для просушки шесть простыней и полсотни тряпок для протирки стёкол. Всё натянулось струной, точно на соседней крыше в те же восемь минут кто-то решил открыть парусный промысел.

Лор сидел на подоконнике, обхватив трубу локтем. На правой скуле у него чернело пятно сажи с совершенно прямыми краями. Сима моментально вспомнила деревянный ставень, заедавший на внешней лестнице, и то, как один из троих смотрителей, считавших своим долгом ставень починить, неизменно проходил мимо со словами «у меня чистые руки». Лор любил голосовать за первый разряд наблюдений. И лазил на крыши сам, обыкновенно в хорошей рубашке. Об этом почему-то вспоминалось реже, чем о тех вещах, за которые она готова была огреть его веником.

— На тебе сажа.

— Знаю. По тому, как люди на пристани уступали дорогу, я решил, что сгорел.

— Почему на пристани? Вчера ты должен был спать.

— Девять сигнальщиков и две красильщицы семь ночей подряд смотрели на Брошенный Ключ. Трое рисовали карту углём, четверо ставили шилом дырочки в чёрной бумаге, остальные подменяли их у станка. Вчера я пришёл за картами и сшил из них толстенькую книжку. Всю ночь разбирался, откуда в Ключе взялись два лишних огонька. Ты здешняя хозяйка и могла бы выслушать меня из простого человеколюбия.

— Через семь минут. Сначала моя Телега. Ключ подождёт.

Она скинула ремешок с широкого железного запора. И сняла бы его, и полезла внутрь, а после ещё полстолетия рассказывала бы, что перед каждым открытием звезды предусмотрительно подстилала себе одеяло. Только ключ от сарая торчал из Лорова пальца кольцом наружу.

— Его Тина дала? — спросила она.

— Нет. В желудке пойманной сельди нашли.

— Положи.

Он положил ключ в её протянутую ладонь. Подбил костяшками кожух и наклонился к ней, так что Сима на мгновение почувствовала запах дешёвого кофейного мыла из его расстёгнутого воротника. Что за досада. В комнате, где она жила, два месяца пахло то цедрой, то вываренным переплётным клеем, а этот запах она узнала безошибочно.

— Вправо не наступай, — сказал Лор уже другим голосом.

Под краем выступа белела ровная площадка, на которую она и собиралась шагнуть. С виду — новый кровельный лист, запасённый к ремонтным работам. Но белая пуговица, которую Сима на нём в конце концов разглядела, к кровельным работам никакого отношения иметь не могла. Лет пять назад она купила целую баночку подобных пуговиц у старухи, вырезавшей их из костей трески. Вон ещё и перекошенный вчерашний шов, она к закруглению устала шить мелко и хватанула в палец длиной.

Над тремя этажами пустого воздуха, натянутая за углы синим сиянием, висела её собственная наволочка.

Сима опустилась на колени. Нижняя завязка сорочки, прилипшей к водосточному жёлобу, не доставала до дна на добрую ладонь. Рядом совершенно вертикально стояла тряпка, на которой обыкновенно грелась кошка. Всюду шли, дотягиваясь с конца самой ручки Брошенного Ключа, голубые тонкие лучи. Между ними крутился конверт, красный, весь в проволочных бабочках. Ещё один лежал дальше по жёлобу — узкий, серый, совсем пустой на вид. А в кармане у Лора с правой стороны, Сима прищурилась, как долго она ещё будет его разглядывать, выдавалась сложенная вчетверо белая страница. И две медовые крапинки на ней.

— Пять тридцать шесть, — напомнил Лор. — Ты же собиралась меня бросить.

— Потяни вон за верхнюю верёвку. У меня руки заняты.

Лор потянул. Из-под белой простыни тут же вылетела Тинина серая рабочая куртка, толстая, насквозь промокшая, и угодила ему прямо в лицо. Вместе с курткой сорвались две бельевые прищепки. Сима поймала их в полёте.

— Зачем материи-то столько? — пробормотал он, отлепляя от рта жёсткий воротник.

— Ну, если бы ты застилал свою кровать...

— Я застилаю! Но мне в постели обычно не требуется запасных штанов на двух разных людей.

И она расхохоталась. Младшие наблюдательницы хорошо знали об одном недостатке начальницы смены: если уж начнёт хохотать, с неудобного места следует немедленно увести. Сил у неё не останется даже на то, чтоб удержать себя за трубу. Лор обнаружил это впервые в жизни. Помедлил и подал ей два суконных локтя. Впервые за два года Сима имела случай честно, ни о чём больше не думая, опереться об его руку.

В нижнем ряду труб нарастало гудение. Медная стрелка её часов двинулась к шестой минуте. В комнате за дверями стоял малый телескоп, который они с Тиной каждое утро переносили к восточной балке. Чёрную трубу полагалось переваливать через порог вдвоём. А из жёлоба уже соскальзывал красный конверт.

— Как же я их всех не люблю, — сказала она.

— Кого?

— Людей, у которых утром всегда есть лишняя пара рук.

Она отцепила кожаный ремень от чехла телескопа. Лор по её знаку привязал к нему согнутую прищепку, опустил до дна жёлоба. Принялись удить. Бабочки цеплялись крыльями

за крепление, лезли бечёвкой кверху. Жёлтые вкрапления на конверте оказались кукурузной крупой и чесночной чешуёй. На уголке пестрело несколько огромных букв настолько разной высоты, что читались они разве что напевом. «С дедушкой поедим на Вишнёвую косу рыбу. И там пускай нас не смогут достовать. Мы вместе».

— Давай, тащи! — скомандовала Сима. — Оба адресата утонут.

— Тут расписались два человека. Я видел такую спираль на ростре у красильни, там ребятам делают через реку паром. Вторая больше. Дед, наверное. Кукуруза настоящая... Во, живо!

Они вытянули красный конверт на крышу. То ли прищепка тянула его слишком быстро, то ли Тинина куртка хлестала по воздуху как живое мокрое крыло, только голубые нити сдвинулись к северной антенне и показали им на один вдох совершенно чистый участок неба. В четырёх градусах от кирпичной башни до сих пор висели две самые слабые звезды Рыжей Телеги. Через минуту их поглотило бы солнце. На карнизе под ними проступал ещё кое-какой свет.

— Не проскочи, — сказал Лор. — Я время. Ты саму пару.

Пока ходили за телескопом, Сима, между прочим, приказала себе не думать о том, что два года назад они точно так же работали в поле. Лор держал часы, она глазом через сетку мерила промежуток, кто-то на вышке в ответ раскачивал фонарь. Думала она тогда, что на свете так должно быть всегда. После прочла первую страницу его обзора, а потом перевернула все остальные. Её фамилия стояла внизу на одиннадцатой, в перечне из восемнадцати имён. Ни слова о том, кто первым вывел ряд. Газетчики, объявившие об открытии Дальского, дальше первой доходить не стали. Сима не могла сказать, что газета неправа. Лор действительно вывел формулу, которую она сама считала красивейшей за десятилетие. Два человека, будучи вполне правы каждый по отдельности, могли устроить совместными усилиями удивительно скверную историю.

Сегодня он записал ей время в её собственный журнал. По старой привычке пометил каллиграфическим хвостиком слишком жирную двойку. Семнадцатый ряд всё-таки не пропал.

Из города донёсся звон колокола к первому рынку. Под ним портовые ребята считали ночную работу оконченной, а ломовые возчики только выезжали со двора, и оба эти открытия всегда немного утешали Симу. Она свернула шкалу. Солнечное утро было прямо перед ней, плоская прогретая крыша и дальние сходни на реке казались вполне надёжными вещами. Детское письмо лежало у Лора. Её открытка вернулась из трубы и липла в правой ладони. Рядом на симпатичном старом козырьке полоскался выброшенный жёлобом на сушу серый конверт.

— Почему ты его ищешь? — спросила она. — Если серый твой, я отдам.

— Потому что на внутреннем дворе между семью и восемью утра начинают жечь опилки. Наши письма будут гореть на любой крыше, а я не уверен, что человек, который столько лет молчал, заслуживает опять не получить своё.

Она показала на его карман.

— А это твоё?

Он вынул сложенную страницу. Почерк Симы Нево, несомненно, принадлежал к тем неудачным созданиям, которые нисколько не хорошеют оттого, что их знаешь с детских лет. Если она особенно торопилась, у неё не получались ни пояс у печатного «ф», ни длинные нижние булавки «р». Первую строчку она могла прочесть вверх ногами: «Не могли бы вы найти кого-нибудь на вторую половину одеяла». Ещё одна попытка того же письма. Чистового листа не было, в дело шли открытки и оборот долговой квитанции, и Сима клялась тогда, что непременно выбросит худший вариант. Ни одну из двух записок она так и не посчитала достаточно хорошей или достаточно плохой. Отправила обе.

— Я не читал дальше первой строки. Там моё имя?

Она покачала головой. Через одну секунду после этого ей пришло в голову, что можно было сказать «нет», а можно — «имени там вообще нет». На дивный же вопрос она ухитрилась ответить.

Пока Лор аккуратно убирал детский конверт в футляр для стекла, Сима подобрала с козырька серый. Письмо оказалось запечатанным. Она могла бы вернуть его здесь же, хватило бы вытянуть руку. Остановили её три ровные строчки, написанные наискось через весь конверт знакомым левым почерком.

«Человеку, у которого мои хорошие научные результаты отняли что-то действительно стоящее».

От света на изнанке было видно то тёмное, то сияющее золото круглой печати. Сима перевернула конверт. На обороте, выведенный осторожными штрихами, как рисуют люди, которым очень нужно, чтобы дорогу нашли, стоял её собственный дом.

Глава 2. Складка на обороте

Дом на сером конверте был нарисован без двери. Окошки точно на месте, незакрашенный след от вывески «Дамские корсеты и питание для певчих птиц» на углу, скошенная крыша, на которую четвёртый год смотрела Сима из собственной кухни. Откуда угодно сквозь жёлтые паруса, вывешенные в Устричном переулке, её дом выходил длиннее; короче он казался лишь с трамвайной эстакады. Однако с трамвайной эстакады невозможно увидеть то самое круглое, похожее на клюкву окно, из которого Сима вот уже три года выливала воду с кофейной гущей на крышу соседей с расчётом удобрить своими силами целый цветочный рынок. Она поднесла конверт к самому носу. Даже изогнутая поздней осенью жердь, подпиравшая стекло, была выведена довольно правдоподобно.

— Ты давно стал адреса рисовать? — спросила она.

Лор стоял в двух шагах, по другую сторону склизкого наволочного провала. У него слиплись от невысохшей звёздной пыли ресницы. Вымешав на ладони бурый комок, он вдруг зажмурился как ребёнок, когда тому надоедает казаться старше своих лет.

— Я раньше очень плохо рисовал, а теперь вовсе перестал. Давай спустимся. Ты получила обратно вещь, которую считаешь своей. Я тоже получил — или считаю. Тут человек тридцать внизу, а мы стоим и решаем, кто аккуратнее рисует карнизы.

Внизу ворчала уже не служительница и не городская касса. Старшие две смены обсерватории, восемь незадействованных в дежурствах учеников, женщина в безукоризненном фиолетовом с букетиком незабудок на капоре и селезень Князь пытались уговорить друг друга отдать кому-то одному приставную лестницу. Князь извлёк на всякий случай из привычной гнусавой гортани непривычное кряканье. Женщина в фиолетовом на всякий случай ответила ему тем же тоном.

— Госпожа Нево! — донеслось. — Приборы до переучёта трогать не полагается! Либо погодите, пока я дойду до крыши, либо мне придётся сообщить смотрителю, что вы нарушаете даже приблизительное умение считаться со служебной необходимостью. И вы, господин Дальский, соблаговолите держать себя, как если бы под вами было море, а не моя собственная племянница!

Племянница, ночная сменщица Тина Гуль, крикнула слабым голосом:

— Господин Дальский, если у вас есть, что уронить, я отойду!

— Есть, — сказала Сима. — Сам он шесть пудов. Госпожа Сальви просит не трогать заснятые стеклянные карточки? С чего она взяла, что это в ведомстве её журнала?

— Ни с чего. Но я сдавал ей на прошлой неделе снимки первой ясной ночи, и у неё сегодня ужасно полюбились должности.

Она сунула серый конверт во внутренний карман так резко, что испугалась за рисунок. По переднему подолу её рабочей серой юбки от вчерашнего подъёма по мокрой лестнице засохло целых семь гипсовых снежинок. Рядом со всеми сразу она, должно быть, выглядела хуже Лора. И не нужно было никакого собственнического отношения к его хорошему дивному вопросу, чтобы под этим свистом не получить по шее разделочной лестницей. Пока спускались, он привычно подставлял под её локоть руку ровно на самые трудные последние полторы ступеньки. И не разжимал свою правую ладонь: там всё ещё лежал конверт с медными бабочками. Детское «не достовать» промокло на внутреннем загибе, ещё немного — и бумага совершенно разлезется.

— Пошли к моим переплётчицам, — сказала Сима. — Внизу у моего дома магазин. Через него удобнее всего с рисунками к набережной, а у них есть рисовый клей и чистая промокательная бумага. Только не вздумай при них что-нибудь придумывать про то, будто я тебе разрешила меня проводить. Они потом вышивают такие пожелания на подушке.

— Например?

— «Не задерживайся». Словно я тебя уже жду. Да, Лор. Четыре слова о том, что было на обсерватории, прежде чем нам наделят с верхов правильное объяснение.

— Я лично видел тринадцать ярких пятен в ряду между моей рукавицей и прачечной верёвкой. Вот. — Пришлось встать у серенького стекла, за которым женщина в капоре расплачивалась с извозчиком за опоздание на званый завтрак. — На моём снимке там же пятнадцать мест, где серебро почернело. Пока я считаю, что Солнце одно и мы с тобой живы, пятнадцать или тринадцать объясняет одно из трёх. Пара пятен приезжие. Или двое пришли, потом ушли, свет шёл в другое время. Или брак полива. У нас на нижней красильне стекло делают малыми порциями, всякое бывает. Но вот та же карта из смотрительской. В правой руке Игольщица, верно? Игла выступает из рукава на четверть пальца. Слева узел тонкий, даёт отблеск на Ключ. Отсчитай три к тёмной стороне.

— На четвёртом есть слабая, — заметила Сима. — В моём зимнем каталоге её нет. Не ты ли сам велел мне тогда не тянуть в статью каждую царапину на стекле?

— Я и сейчас так велел бы, будь тебе нужно моё разрешение. Мы тогда спорили о Рыжей Телеге, у которой иная, своя собственная дрянь в правой оглобле. И тебе бы следовало забирать поутру около левой тумбы свой негатив.

— Это ты поторопил издание. Что же, собственно, ты хотел им успеть сообщить?

— Что есть люди в городе, знающие, где у них над головой…

— Одну фамилию ты успел им сообщить очень хорошо, однако остальные…

Князь сунулся им между ног, шлёпнул Симу крылом по колену и побежал в переплётную. На мушке его клюва качалась служебная бандероль, а следом он волочил кисточку на длинном шнуре, выдернутую из экипажа госпожи Сальви. Что ни говори, у научного спора есть естественный конец: замечаешь, что казённую почту уносит на рынок утка.

К несчастью для уток, дверь в переплётную открывалась вовнутрь и поджимала одну из сторон метлы. Из общего беспорядка появилось сердитое, обиженное животное, выволокло метёлку до другой двери, сунуло клюв в бак и занялось поеданием размокшей мучной массы.

— Что делает твоя утка в моём клее? — осведомилась хозяйка мастерской Тереса, выглядывая сверху из клеильни.

— Ест. Она больше ваша, а не моя, вы её каждый день прикармливаете.

— Своё я хотя бы не зову вслух на чай и не обещаю за каждый утренний час булку на двоих. Когда-нибудь он откусит тебе краешек пальца, и я нашью тебе бумажный, между ребристой тесьмой и короткой кожаной лопаточкой. Чем это там так хорошо пахнет?

Лор разжал ладонь и положил конверт на серую подкладку. Говорить перестал. Сима впервые заметила, как у него работают руки, когда не нужно вслух поспевать за собственными мыслями. Мокрый надрыв уцелел весь, даже крохотный блестящий усик у последней бабочки. Тереса подала ему белую губку и кусок полированной вишни, которым удобно разглаживать швы. Метёлку она отдельно поставила сохнуть. Тина купила у булочника полпирога с тёртой морковью и принесла его на ладонях, как выданную на всех премию.

— В конце когда-нибудь будет видно откуда? — спросила она.

— Мы пока не можем утверждать, что это старые письма, — ответил Лор. — Известно только, что некоторые почерки совпадают. Если кто-то из старших решит за карманное серебро осчастливить сколько-то людей, приодеть их в ссохшийся старый картон — кто знает?

— Мне дед приволакивал из моря всякую чушь, — весело сообщила Тина. — Нашёл мою жестяную куколку с дарственной надписью, думал, чудо. А оказалось, что её украл у меня брат Йона. Когда я рыдала, он заплатил за пиво портовому лю́ду, чтобы другую по описанию сделали и в воде под лодку положили. Потом мне у Ключа с неба одну зашвырнуло в руки — и все эти годы, представьте себе, в моей тумбочке лежат две одинаковые куколки. Можно принести, но куклам, честное слово, пора уже на пенсию. Я могу показать больше.

Она вытащила из-под держателя красноватые стебли надрезанных бумажек. На каждом тёмный портовый штемпель обозначал не календарный день, а час выхода улова. Тина, чьи пальцы за ночные смены приобретали тонкую неизгладимую серость, тронула ногтем тиснение вокруг круглого отверстия.

— Откуда у школьника с моря заколки ценой в рыбацкую палку? Сами их дыроколом по жести бьют. У маячных ворот. Вишнёвая коса. Сегодня можно спуститься к маховому часам на Нижней, там его спросить, есть ли у них на косе дедушка с таким адресом и что это за «жало». А я на службу. Не бестолковая же я, в конце концов!

Тина прихватила с тарелки оставшийся кусок пирога и убежала. Морковная крошка у неё на щеке так и осталась. Сима давно приметила эту её особенность: за общим обедом Тина торопилась, будто все у неё отберут, а когда надо было отстоять своё имя под результатом, безропотно отходила в сторону.

Сима, пока все занимались клеем и бумагой, проскользнула в боковую комнату, где было так тихо, что за закрытой коробкой для счетов слышались шумные вздохи старого кружевного пресса. Вынула серый конверт. Попробовала поддеть надпись с домом ногтем, убедилась, что внутри ещё один чистый лист. Спросила себя: неужели ты и впрямь думаешь, что уж если на одной стороне твоё жилище и даже твоя накренившаяся подпорка под окно, то письмо написано тебе целиком? Тогда развернула край. Могла же не разворачивать. Могла позвать Лора, выяснить, кому он тогда писал, зачем вообще ему пришла в голову женщина в плохом доме, где даже дверь не нарисована и давным-давно все входы пропахли свежими кожаными корешками. Ей захотелось, очень захотелось, чтобы ещё немного никто не знал, что лежит внутри.

«Дорогой человек, — писал неизвестный четырьмя чернильными строчками, неожиданно с нажимом в середине обычного слова, — из написанного тогда у меня вышла хорошая работа. Мне платили за неё, потом мне заплатили по её следам, и как удобно, что человек, у которого от моих хороших результатов отнялось больше всего, имеет дурную привычку не просить отнятое обратно. Я весь вечер придумал, каким образом он может не считать себя обиженным, когда я ничего не поправил. Если увижу его, отдам ему первое право возражать и перепечатаю страницу. Хочу, чтобы однажды он меня остановил. Хочу не потому, что легче остановиться с чужого окрика. Хотя, пожалуй, и потому тоже».

Никакой подписи. На обороте, у совершенно глухой стены возле нарисованного окна, всё-таки оказалась дверь. Чтобы её увидеть, пришлось развернуть другую маленькую складочку и перевернуть лист против света. На двери дрожали узорчатые латунные стрижи — перегнутые пополам отпечатки чернильных капель. Один глядел на север, другой навстречу, третий застрял в кальке, служившей переплётчицам обыкновенной прокладкой между страницами. Симу взяла такая мягкая, необъяснимая усталость, будто она всю ночь по очереди пробовала воду в каждом доме этого города и во всё горло хвалила хозяев за опрятный водосток. Человек, который писал это, не скромничал. Красота слов радовала, как красивый кусок колбасы в голодное время. Ей же нужны были своё имя, чья-то ещё внимательная живая рука на мерзлой трубе, чаще возможность высыпаться и место на открытом воздухе под двумя никем ещё не измеренными звёздами в центре маленькой и абсолютно принадлежащей себе Рыжей Телеги. Ещё хотелось одного — швырнуть листок в чашку с рисовым клеем. Никто бы уже тогда не смог отличить впечатление искренности от самой искренности. Ни даже очень красивый автор. Она застегнула задвижку.

— На ворота внизу после третьего удара, — сказал Лор, когда она вернулась. — Ходит трамвай. Я половину дня с тобой устал ругаться, поэтому предлагаю продолжить после обеда. Старые рисунки у мадам Нево в порядке?

— Надо же. А кто тебе сказал, что моя мать умела рисовать?

— Никто, — сказали его сбивчивые губы. — Но моя мать умеет, а это, могу признаться, ещё хуже, чем вовсе без создателей пейзажей. Она и про наши головы нарисует. И про людей, которые всё спорят, а сами следят, чтобы каждый непременно дошёл до дома.

Он взял детское письмо, убрал его в нагрудный карман. Только у двери Сима заметила лиловую нить на его плече. Это была шерстинка от одеяла, в котором она сидела когда-то на крыше. Одеяло за два года несколько раз штопали и чистили; всё-таки она узнала нитку. Почему-то куда страшнее было её опознать, чем собственный почерк.

— Есть что-нибудь ещё, что ты захочешь показать на красильне?

— Да. Расписку портовых сигнальщиков. О том, что мы взяли их будущие имена в работу, а не понимаем под ними какую-то милую услугу нам с тобой.

— А я возьму твои старые рисунки на память, — сказала она, больше ни на что не намекая. — Вдруг всё-таки понадобятся.

И только когда дверь захлопнулась и на ней изнутри задрожал один на двоих с переплётной маленький латунный колокольчик, поняла: она вот только сейчас сама, по доброй воле, заодно сказала ему «после обеда».

Глава 3. Тринадцать гвоздиков

В Нижнюю красильню шёл вагон без номера. Положенное на борту место украшала ясная надпись: «Служебный». Стоило вывесить цифру, садились приезжие в нарядных шляпах, после чего выяснялось, что их надо доставить совершенно в другие места, а кто повезёт к началу смены красильщиков? Две лошади тянули вагон в гору, вниз он шёл под собственным весом, и женщина на облучке неторопливо перебирала рукоятки тормозных колодок. Сима в детстве обожала это мгновение перед спуском: город сейчас накренится к морю и поедет вместе с тобой.

Сима потянула стекло. Стекло с лёгким скрежетом, как у дерева, поползло вверх, и ей стало видно море. Один человек на каменном молу занимался обычным для здешней по каютам элиты делом: поочерёдно вытряхивал на ветру воду из правого и левого сапога, вода от каждого его взмаха летела доброю половиной обратно ему в лицо. Шляпа отступала от человека всё быстрее и качалась уже на волнах. Прямо у противоположного открытого окна трамвая сидел господин в новом из очень дешёвого синего полотна пиджаке. У него с такой тщательностью были закручены усы, что к их лепесткам успела пристать неугомонная белая стрекоза. Незнакомец Лора знал и приветствовал, не называя, по распространённому здесь обычаю, его имени: «Кашель у матушки давно прошёл?»

— Спасибо, прошёл. А вы шляпу ловить не пойдёте? — Лор кивнул на море. — Это ведь ваш зять там стоит и делает вид, будто не замечает, как лишается своего выходного убора.

Сима едва успела поинтересоваться, не родня ли это с восхитительной стрекозой его матушке, как кондуктор отдал им одну узкую полоску бумаги на двоих. «В ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ. НА ДВОИХ». Разделить попробовали — полоска продолжала тянуться, а из более широкого края полезли слова мелким сиреневым шрифтом: «Обратный проезд к бумаге не прилагается». Тут бы Симе на полном серьёзе и поверить в чудеса, если бы она сама не делала для муниципальных часов год назад такие же бумажные колёсики. Когда хрупкое колёсико открывают, из середины соскальзывает миниатюрный сгиб, и кое-кто успевает получить за печать изделий жалованье за один полный месяц и три дня, отработанных осенью под честное слово.

— Знаешь, какая отличительная черта у женщин, которые делают складную бумагу? — спросил Лор.

— Осторожнее. Во мне проснулся волк, и он требует правильного ответа.

— Ответа я не знаю. Хотел спросить — как вы тогда друг друга узнаёте?

Он явно знал и видел утренний конверт с рисунком. Могло и случайно так сложиться, что этот человек, способный предугадать годовой ход солнца между дальними оконечностями залитого водой города и его высокогорным наблюдателем, с человеческими женщинами обращается исключительно по счастливой случайности. Они вышли на красильне в половине шестого после утреннего сбора. Внизу были свои хозяева времени. Минуты обозначались в честь порта и потому отставали или забегали за общегородскими, в зависимости от того, куда тянуло намокший ветром трос. Кондуктор записал в ведомость карандашом, зажатым между средним и безымянным пальцами, что последние две доставки высажены здесь в пять двадцать одну.

— Вы пальцы не обожгли, когда работали? — спросила Сима, подавая ему недостающую мелочь.

— Ни разу. У меня гусиная мышца. Так пишу с третьего класса. Надо, говорит моя жена, брать по осени чернила, а по весне махать людям вслед, как обыкновенно рождённый. А фамилия моя вон там — на большом синем колесе. Мне в управление всяк может написать за пальцы спасибо. Аккуратнее! Сейчас взвешивать будут.

Над портовым рынком ходили морщинистые, одетые в балахоны люди. Мокрая серая шерсть, из которой они себе связали капюшоны, очень напоминала шелуху устриц и старых гаванских стен. Надо было подойти вплотную к такому человеку, чтобы увидеть, что внутри фонаря есть живое лицо, обветренное, ловкое, в лохматых ракушках выразительной седой щетины. Он держал на весах бочонок с рыбой. Медная гиря в шестьдесят мер покачивалась, как дневная луна, и с каждой минутой летела всё выше, потому что торговцы живой рыбой лили на пойманную добычу солёную приманку, чтобы жадная добыча как можно сильнее рвалась к родному горизонту.

— Когда я сюда привёл своего первого приятеля с факультета, он полчаса спорил с весовщиком, — сказал Лор. — Другой бы давно получил от него по шее, а этот сумел доказать, что рыба от их затеи делается тяжелее как раз на три лишних полушки с корзины. Снова пришёл через неделю, а они со вчерашним противником вместе здесь обедают. У берега всякое бывает. Пойдём, нас ждут.

В узеньком чулане, впритык со складом алой краски, половину стен занимало большое, обыкновенной серой грунтовкой закрашенное оконное стекло. Сима, сама того не замечая, в каждом новом доме с завидной жадностью вынюхивала воздух от окна. У них в городе так определялись стороны света над морем и страна, из которой пришло прибивающее к памятным гостям ветер. Окно в грунтовке не пропускало света, но у правого угла белел чистый глазок, шириной в четыре средних пальца, высотой в локоть и две ладони. К нему вели отсчётные знаки позавчерашнего и вчерашнего прилива, отметка самой длинной весенней воды и процарапанное в штукатурке рыбье лицо: полукруглая линия глаз, расходящиеся в стороны усы и рот, который при всех изъянах данного художником образования нельзя было увидеть помимо улыбки. В промежутке между глаз и ртом на длинных гвоздях висела железная сковорода-клёцочница. Сердечники её пяти полусфер отполировались, высверкивали над живым огнём.

Женщина в жёсткой юбке переворачивала в клёцочнице крохотные зеленоватые шарики. Они поднимались на глазах.

— Сима Нево? — спросила она. — В газете выходят умные слова женщины, которая знает, как рассекретить нашу погоду. А я вот не умею, когда солить эту дрянь, если мне их к закрытию надо иметь готовыми и не вялыми. Поможете?

— Я, между прочим, автор строки про затяжную грозу, — обиделся Лор.

— Вот от автора и не грех получить настойки в счёт будущих доходов. Кухонный шкаф, тот, что справа от тебя, и положи хлеб. На стол положи, я ещё умею отличить койку от стола на корабле, даже если у вас зовут всё ласково так и так. Госпожа Нево, я Вельма. Хотите сами повертеть сковороду? Устали ужасно мои собственные руки, а из вас обоих только у вас знакомство приличным образом совершено.

Тёплые шарики из рыбы и гороховой муки показывали свой готовый бок с неохотой, но Симе, когда она догадалась вращать сковороду коротким рывком из плеча, понравилось, как высоко взлетает первый, от самого края. Вельма невозмутимо поймала шарик в голую ладонь и отдала сыну. Чем занимались её руки, пока не устали, можно было понять по нескольким смешным чувствительным отметинам на столе перед окном: прямоугольники стопок бумаги разной толщины, маленькое ожерелье прожжённых воском ягодок по самому краю. Ночью у окна читали и выясняли, куда по стене проведёт свою линейку звёздная Рыба.

— Так, значит, вы тоже наблюдаете? — спросила она.

— Что ты, — сказала Вельма. — Он наблюдает за луной, а я смотрю время прилива. Рыба приходит домой не по вашему журналу. А теперь пойдём. Я отработала сегодня ещё половину смены за одну дурочку, уж очень ей захотелось истопить баню, пока никто не видел. И я хочу посмотреть, как вы удивляться умеете, когда ночью на фоне святого берега видно немножко хуже, чем того от вас просят.

Увидев по дороге порог с вырезанными на нём тринадцатью квадратными старинными гвоздиками, Сима остановилась. Во многих домах к каждому ежемесячному отчёту о наводнении добавляли по гвоздику, по стрелке часов от одного к другому; так поступали даже там, где дом лучше было бы перенести на безопасную землю. Здесь гвоздики шли нестеснительно как попало. Под каждым отсвечивало следующее круглое крохотное гнёздышко, как если бы металл покачивали мешавшие друг другу извечные любопытные руки.

— Я ведь за ними приходила шесть лет назад, — вспомнила она. — Тринадцать гвоздей, а глазков пятнадцать. Их пересаживали?

— Ещё как. Поровну делим ошибку, — сказал Лор. — Каждый служитель при Нижних воротах, когда впервые попадает в караул с вечером не при работающем электричестве, а при фонарях, отмечает, на какой береговой гриве светится верхняя лампа и где на лестнице стояла лучевина от Зубца Брошенного Ключа. Гвоздики можно вставить или вынуть. Странно именно то, что при пятнадцати возможностях в прорези смотрели бы на тринадцать звёзд.

— А может быть, их каждый видит столько, сколько умеет?

Он широко и без усилия улыбнулся.

— Это я и хотел тебе сказать, Нево.

Они поднялись по раскалённой над красильной печью лестнице к длинному ряду прорезей. Скамья по дороге на пологую крышу по высоте мало отличалась от лавки её первого прицельного стула при трубе Рыжей Телеги. Но здесь толстые балки чернели от копоти и все дырочки для прицела смотрели ярко-жёлтым в сторону портового края. Около крайнего закопчённого окошка молодой сигнальщик с детской белой шерстяной нашивкой — луч и рыло сторожевой собаки — обменял несколько быстрых и сочных замечаний с Вельмой, сели. Симе отвели предпоследнее окошко в ряду. Лор принёс ей для устойчивости ларец из почерневшей красной липы, сделали отметку о её росте и расстоянии от левого глаза до опорной рамы. В гнездо под окошком ловко вставили стеклянный визир с тремя волосками. Один из них на самом деле был конским. При большом морском ветре именно эта нить в движении оставалась самой чистой.

— Га́йва, — представился молодой сигнальщик. — Подписываться у вас принято?

— Принято, — сказала Сима. — На нашей стороне, надеюсь, больше, чем просто принято. А на вашей?

— Только у засечек, только цифру дежурства. Если имя ставишь прямо, это сам ты хочешь стать первым. Парни не любят и честным словом не считают. Нас восемь, восемнадцать, сорок, сто, на смену заходят разные люди, верховодят всё те же старые ребята с той же самой кухонной доской. Если узнаешь, что разным людям видны разные звёзды, тогда надо их и под кличками вносить. Я себе приговорил Сорокопут. Не сойдёт?

— Только если тебя в самом деле так зовут. Я обрадуюсь и Гайве.

Он снял с гвоздя свёрток промасленной бумаги. На каждом листке был номер ночного караула и отметка о высоте воды. В углу ряда более чем годичной давности виднелась чуть заметная дырочка, проколотая левее других. Две пары глаз и год спустя могли не согласиться в том, что именно увидел тогда наблюдатель. Но дата на листе предшествовала официальной первой записи об изменении Ключа на двое суток. Сима перевернула лист. На обороте: «Смена 17, четвёртая дверца». Вместо имени — пятно, возможно край старой печати.

— Кто стоял? — спросила Сима.

Гайва бросил на Вельму какой-то очень быстрый взгляд.

— Нам велят после смены сдать пропуск. Его тогда передали ещё кочегару с верхней башенки, — ответил он. — Я могу сказать, кто передал, а кто смотрел ночью, в той книжке не числится. Придётся сперва спросить, согласны ли они посмотреть для вас. Пять штук за месяц бывало, больше не скажу, я тогда по зимам ходил в школу. А времени как считали? Вы там знаете, что под белилами было другое окно?

Они вынули ящик, поставили квадратную латунную мишень на пожарный столб и прицелились ещё раз. След белого, плохо отстающего от старой краски прямоугольника заходил за нынешнюю прорезь. Лор стоял слишком близко: если бы это была не научная проверка, можно было подумать, что он жалеет выпустить из рук узкую ладонь Симы, а в ней всего-навсего два влажных волоска и свежая полоска порезанного пальца.

— Раньше смотрели левее на два пальца, — сказала она. — Даже если перенести сюда прежнюю карточку, с точки зрения неподвижного глаза там окажется новая щель.

— То есть дырок всё равно было столько же? — спросил Гайва.

— Тогда ещё не знаю. Надо вернуть время. У вас жидкие часы?

Вельма отодвинула белёное ситцевое полотно; вода в большом котле блестела, не тая никаких сокровищ. На внутренней стенке мелкими насечками отмечали каждую положенную смене меру соли на кадку. Городские часы над ратушей отбивали целые минуты каждые полчаса; портовый свисток давал короткий отзыв, когда сливная камера под шлюзом доходила до малой метки. Вода бралась каждый день свежая и разная. Обычная горная, смешанная с морской, от зимней соли вытекала медленнее. Никто не обязан знать перемены той воды, которой налиты чужие часы, но очень легко стоит ей попасть на пальцы, и всё её несовершенство прилипает к коже.

Они сидели до темноты. Пятнадцать дырочек действительно приходились на тринадцать звёзд. Две принадлежали разным положениям Ключа над прежним и новым окошками. По этому поводу Лор вечером в трамвае взял бы на себя тысячную долю приличий, имел бы право гордо усмехнуться и заснуть, но заснуть никто не успел: одна из старых дырочек, семнадцатая смена, всё же не приходилась на яркую точку ни через новую рамку, ни через старый проём.

Кто-то здесь, в копоти и паре, у необязательного для учёного журнала счёта по свисткам, действительно успел заметить слабую звезду. Без этого человека реестр никогда бы не узнал, что в ту ночь над городом было совсем другое небо.

Глава 4. Угол падения

Тина приложила щеку к холодной шлифованной пластинке и сдвинула коленями тяжёлую скамью. Восемнадцать учеников сидели этажом ниже, и через пол было слышно, как они сгребают ногами одну и ту же самую пыль под её ногами. Спуститься к ним, поставить на доске дату, подождать, пока вытащат бумагу, рассовать по жестяным стаканчикам кедровые карандашики, а потом получить весь класс себе. От семи лет до шестидесяти восьми. Настоящие начинающие. Кто-то уже взялся на пробу кружить ручку гвоздильного станка, зарегистрированного как последний предмет городского имущества, который собственными усилиями можно заставить нарезать часовые зубья. Сима окликнула её из-за лестницы.

— Ну как, ещё пять минут тебе оставить?

— У меня ноги трясутся. Если мне оставить им пять минут, у меня вместо ног вырастут гусиные перья. Нево, а как твой отец начинал самый первый урок в мастерской?

Отец приносил в зал первую вещь, которую собирался починить. Симе было пять, когда он дал ей понюхать свежий сосновый срез и спросил, чем пахнет. Ёлкой, конечно. А потом дал старую еловую щепку, и та пахла одним сараем. Пять лет человеку, уже про обе щепки есть своё мнение! К столу сразу полезли остальные. Отец сажал самого маленького на ящик, чтобы всем было видно. Этому можно было научиться, и за Тину вдруг стало спокойно.

— Вносил в зал первую вещь, которую ему хотелось бы починить, — сказала она. — Тебе так не обязательно. А если всё-таки хочешь, прихвати прибор с пустым делением и скажи, что ночь у нас умеет начинаться по нескольку раз. Они разозлятся, потребуют показать и сами тебе всё объяснят.

— Так просто?

— Только не верь тому, кто громче всех остальных. Здесь бывает, что он от усталости заснул в самом начале.

Внизу кроме гвоздильного станка имелись сверлильные часы, точные тиски с рифлёным кругом, грифельные доски и крашеное в рыжий цвет деревянное небо, на цепочке проходившее над картой мира. Океан на ней был чёрный, суша белая и особым способом шпонированная, а вокруг магнитных полюсов летели две полоски медной проволочки, выгнутые мимо берегов и полотняных дорог. Если сделать два полных оборота, то девочка, ещё ни разу не бывавшая вне родного дома, могла положить руку точно туда, где сейчас подводный лес прозябает при вечном дне и где она сама зимою никогда не увидит яркой звезды Рунетты. Лор, как оказалось, уже с утра сидел впереди в ряду взрослых учеников и прилежно разминал налившиеся от портовой возни подушечки левой руки. Сима повернула фонарь. Щёлкнула одна из медных проволочек. Вызванный Тиной к столу небесной машины тихий ученик сказал с некоторым достоинством:

— Тут у вас неправильно юг. По-настоящему он, если выйти из дома, всегда там, за трубой у Тересы. А у вас сдвигается.

— А что ты делаешь, когда тебя отправили покупать клей на Половинной? — спросила Тина.

— Они покупают у нас клей, — отозвался парень, и комната залилась подлинным восхищённым смехом. — Смотря для какого ворота и для кожи. У нас и рыбий, и деревянный. Ну ладно, на Половинной, если покупают у них как исключение, большая вывеска булочника с мерзкой птицей торчит. Завернуть себе на левую руку и нести на правой. Иначе солнце засветит в глаз.

— Тут ещё его солнце, — сказала Тина. — Так вот займись им. Тут провода с крючками. Вот тебе мой фонарь. Делай что хочешь, добейся только, чтобы ты дома видел солнце вот над этой трубой, а в лавке под птицей оно заходило с правильной руки.

Парень занялся проволокой. Тина поставила за ним двух вахтёров с портовой набережной, чтоб их правый глаз был его севером, и убедилась, что за теми в заднем ряду уже расходится другой разговор. Это были две тоненькие дамы в одинаковых вязаных плоских шапочках, привыкшие покупать годовые гравюры в книжной лавке госпожи Сальви. Дамы не только не ожидали, что на семинаре будут разбирать ориентировку в порту на настоящих звёздах, они уже деловито зарисовывали, как сидеть, чтобы успеть увидеть вокруг звезды вторую, а две слабые, близкие одна к другой, не принять за две разные по обе стороны от рамы. Привязывали волос из косы одной к ободу шапки другой. Оговорив, что в ночном классе войска со всеми шпагами, если таковые когда-нибудь явятся, обязаны платить столько же, сколько взрослые женщины, дамы обернулись друг к другу и спросили:

— И вам тоже хотелось посмотреть, как она раздваивается?

Оказалось, что они впервые видят друг дружку, хотя даже преданные своему начальству наблюдатели готовы были объявить их родными сёстрами. Сима для памяти нарисовала двух дам в одном ряду — тот же самый обман зрения, который даёт астроному две одинаковые трубы и две разные звезды.

Лор поднял руку и предложил поставить кадку с солью прямо на небо, чтобы из неё случайно вытекала только вода. Удивительно, во что может вырасти беседа двух учеников, если одному из них разрешать почём зря валять дурака. Тина сама встала на приготовленную для городской герцогини маленькую табуретку и поставила у грифельного поля условие опыта. Что произойдёт, если вынести на крышу створку из стекла и крупная водяная капля снаружи после полуночи примёрзнет аккурат напротив звезды? Ученики загалдели, одна из дам принесла маленький серебряный колпачок, вторая подставила туда воду. Сквозь чистый, не слишком толстый кусочек стекла было видно медный шуруп на раме напротив. Тина приподняла посуду. Круглая капелька звякнула, уверенно поползла вбок и наконец остановилась на крохотном следе соли, уцелевшем от прошлых наблюдений. Шурупов стало два. Третий сидел где-то внутри самой стеклянной сердцевины, перевёрнутый, осторожно тускнеющий. И чем дальше уходил наблюдатель, тем отчётливее светился вместо него маслянистый разрыв.

— А почему мы не замечаем этого каждую ночь? — спросила госпожа с самым узким стёганым краем на шапке. — Если даже материал так себя ведёт, куда же людям деваться?

— Рамку поворачивают, — сказала Сима.

Тина резко повернула рамку, одним боком стала за её левый упор. Третий шуруп повернулся вместе со стеклом, средний исчез. Первый остался.

— Значит, север это дом и не дом, — сообразил тот, кто хотел купить клей у соседей. — Стеклянный его ищет, а настоящий остаётся.

У дверей появился Кравц, заведующий сменным расписанием. Он жил по соседству, помнил имена доброй половины учеников и в любое время умел дать человеку почувствовать, что пришёл по делу, однако вовсе не ждал, что ради его дела тот бросит своё. Постоял за спиной паренька с проволокой, дождался, пока кончится опыт, вынул из кармана две большие карточки.

— Весной у нас заканчивается право на ночную поставку угля. Хотим представить городу новую рабочую программу, вас просят подать заявку на независимую смену, Симона. Предварительно, разумеется. Программа по трём пунктам: личная ответственность за людей, результат для обучающихся, польза общине. Подписью в конце за всех вы их не лишаете права писать об особенностях даже после того, как смена уйдёт.

— Личная ответственность, — повторила Сима. — А выбор людей тоже личный?

— Знаю, о чём вы. Если вы предложите госпожу Гуль в качестве старшей помощницы, мне придётся защищать её имя перед советом; у госпожи Гуль меньше обязательного присутствия в институте, чем полагалось бы ещё по весенним определениям. Ей три раза нужен был

свободный день для дежурства с родственником во врачебной квартире. Простите, госпожа Гуль, у вас в личном деле есть отметка об уходе.

— Мой брат фельдшер. Он не мог передвигаться из-за обмороженных зимой пальцев на ноге, — сказала Тина. — Он выходил на вызов в Вишнёвый тупик. В доковой щели восемь часов просидел, вытаскивая человека и его мальчишку. Знаете, у вас там на входе висит благодарность, что при таком больном звере человек сохранил жизнь и смог снова ходить на собственный склад. Знали ли они, господин Кравц, что доктор с одной ногой не справится с подъёмом по вашей лестнице и ещё тридцать дней подряд полной смены у меня не будет?

— Не моя благодарность. Я свою подпись за ту благодарность не давал и ни разу к нему не зашёл с вопросом, что ему не хватает. Пойду сегодня вечером. Но, госпожа, составители табеля по-прежнему могут свободно утверждать, что у вас нет трёх непрерывных месяцев. Вот если вы успеете пройти на замещении по полной неделе в апреле и мае, то почти можете дотянуться до полного расчёта. Меня там устроит даже период учёбы, если имеется журнал посещения с подписями всех взрослых.

Несколько минут назад кабинет со всеми его причинами знать, как идёт по крыше небесный юг, гудел, как осиный сад. Сейчас Тина Гуль не была никому обязана при посторонних разбирать свою сменную зарплату и уход за больным братом. Она всё ещё стояла на высокой табуретке. Одной тряпицей, положенной для вытирания аппарата, закрыла коробочки с медными крючками. Взяла на столе грифель, положила рядом с тем, вторым, справа, держа пальцы, как быстрые птичьи лапки.

— Мы же пишем каждые четверть часа в тетради, что сделали, — сказал парень из переплётной. — Подумаешь, никакого журнала. Их ровно двадцать один журнал, если что. Накажите вы меня, если не записал. Чем плохо?

Никто не посмел его упрекнуть в том, что он вступил поперёк говорившего учёного совета. Новая помощница будущей независимой смены попросила его на правах первого молодого казначея собрать по окончании урока свои двадцать один учёный журнал и положить в ящик записей. В конце на табуретку переместили старую, потёртую бархатную сумку; планета могла ещё до вечера идти сама себе по кольцевой незакрытой орбите. Тина не сказала ни да, ни нет.

После занятий комитет учёного быта распоряжался обыкновенно проделать следующее: взрослые студенты совещаются, кто куда отнесёт стулья, малые мутят тряпкой воду в раковинах, старший класса заполняет дневник. Сима, в прошлые годы привыкшая к этому дежурству как к особо тяжёлому собственническому труду, коротко спросила, есть ли нужда ей оставаться. Кажется, услышала от Тины «нет». Вышла вместе с Лором на лестницу. Наверху на площадке разноцветный свет, пробитый сквозь дырявую крышу, ложился ему на руки тонкой полосой.

— Ты обозначил в той первой публикации, что пользовался моим рядом, — сказала Сима. — Но так, чтобы не видно было на том месте, где ваш журнал читают все. За этой вот дверью даже ребёнок понял бы, что ставить оптический опыт и придумать объяснение — разные работы. Одно другому не мешает называться собственным именем. Ты до сих пор объясняешь мне, что меня упомянули тысячу страниц спустя? А если бы я прочла свои измерения с твоей формулой, смогла бы даже не вспомнить, как тебя зовут?

Он поднял голову.

— Да. То есть смогла бы, и мне было бы отчаянно обидно. Я тогда знал про первую полосу. Не собирался делать себе памятника, только торопился, потому что в другой газете обещали тебя опровергать. Написал за двоих. На схеме ко всем именам привёл, а где люди читают глазами за завтраком, поставил одного себя. Потом удобно расположился при должности, которую предложили после этой публикации. Это дурно сделано, Сима.

— И более ничего?

— Ещё я тебе этого не объяснил, даже когда ты спросила. Вот в самый первый раз, в коридоре, когда ты держала портфель, а я был в дурацкой чёрной накидке и почему-то держал влажную подкладку на боку, чтобы от тебя пахло дождём. Они ничего не сняли, они так и перепечатали на других языках. Теперь я напишу открытое исправление, как скажешь: могу тебе показать не для редакции, а до.

— Прочла бы я такое письмо весной два года назад, — сказала Сима. — Тогда бы оно мне ужасно помогло. Ты тот плащ за десять минут пять раз сложил и развернул, а на меня так ни разу и не посмотрел.

— Я про него помню, потому что не смотрел на тебя, боялся твоего собственного взгляда. А ты имела право. Не так ли?

Она шла, отталкиваясь от железных круглых ступеней, ещё не придумав, как следует выбраться отсюда одна. Он услышал, что она больше ничего ему не отвечает, отпустил перила, чтобы она могла обойти сама. У него на левом большом пальце вздулся мокрый белёсый пузырь — пока отличили вчера слабую звезду от движущегося окна, успели полночь протереть горячие полозки смотровой рамки. Сима не удержалась, достала из кармана липкую аптечную ленту и остановилась.

— Дай руку.

— Я сам могу.

— Я знаю, что ты можешь сам. Целиком эта способность меня и беспокоит. Дай.

Теперь, когда он протянул ей ладонь, она впервые смогла посмотреть на опущенные густые ресницы сверху вниз. Какой же у человека разный способ жить, если даже дышать он может научиться двумя способами. Лор стоял без приготовленных заранее слов, пытался разве что не закрыть глаза, когда она разгладила ему на пальце повязку и подошла совсем близко. Из кармана у Симы выпало вчерашнее письмо. Оно коротко блеснуло, как будто на нём действительно устроил гнездо трамвайный рабочий с заветной карманной искрой. Морщинки на бумаге расправились. На обороте, прямо из внезапно открывшейся двери нарисованного дома, протянулась чья-то неверно согнутая маленькая чёрная рука.

— Я утром напишу, — сказал Лор. — А перед тобой я ещё раз прошу прощения.

Крохотная рука серая, угловатая, начерченная кем-то, кто очень давно не умел делать этого толком и твёрдо обещал, что вовсе этим не занимается, отодвинула бумажную створку и опять исчезла за дверью.

Глава 5. Жалоба на хорошую погоду

Кто спускался в переплётную Тересы с утра, уносил с собой запах селёдки. Свечи делали из рыбьего жира, и никакие духи не могли его перешибить. Сима надела сегодня платье, которое шила себе сама по выкройке для гораздо более рослой женщины. Подол пришлось подоткнуть, как штору. Заморочившись с ним, она опоздала к завтраку и теперь надеялась, что ликёр, которым Тереса поливала горячий хлеб, ещё не допили.

У магазина собрались на поздний завтрак вдова королевского оркестранта, его вполне ещё живой и давно разведённый с покойницей брат, почтальонка Илла, Тереса, её сынок с приятелем-учеником, две гусыни, степенно проводившие своего собрата Князя на место почётной его службы при главном входе. По местной точности времени Князь каждое утро успевал опережать вежливую переписчицу с пальмовым зонтом и мешать ей хотя бы к обеду сдать из канцелярии сверочные страницы. Сима поставила против Иллы кружку с чистой водой. В ней ещё шевелилось белое от солнечного блеска окошко. У Иллы при поясном кармане в тугом кожаном чехле имелись четыре ручки и щипчики для удаления заноз, и Сима не раз думала, что знать про человека всю жизнь завидную сумку с инструментом — это уже почти близость. Они ни разу не говорили друг с другом о том, откуда берутся посреди жизни чужие письма или отчего старшие женщины иногда выхватывают в переполненном переулке из чужого кармана торчащий веер, чтобы решительно и грамотно засунуть обратно: обокрадут же! Нетерпеливо охлопав полы, Илла задела носиком маленького серебристого обруча чашку и наконец разомкнула пальцы.

— Смотритель велел прислать в почтовую контору все письма, у которых не подписан адрес и есть признаки падения с высоты. Я над ним посмеялась. Он обиделся и поехал в ратушу выяснять, кто у нас на Короткой горе склонен прислоняться к светящимся предметам с несовершеннолетия. Если вы собираетесь учинить редкостно глупое зрелище, уверяю вас, мне тоже хотелось бы присутствовать. Одно письмо я оставила при себе. Оно подсохло, что надо. Сейчас позовут хозяйку.

— А может, она не хочет? — спросила Сима, заметив сплетённые друг с другом на высоком крыльце две молодые запястья.

— Чего именно?

— Всё это, при людях. Что кому приснилось и что кто кому хотел передать, мне до сих пор казалось их обычным частным делом.

Илла на секунду нахмурилась, прижала один палец к верхней губе и помолчала.

— Я свою дочь утром спросила, — сказала она. — Она согласилась проверить для тех, кто отвечает за доставку писем, и для вас, чтобы сделали добросовестный отчёт без единой строки из нашей переписки. С условиями очень даже согласна. После может передумать хоть три раза. Для чего нужна третья попытка, если просьба сперва не услышана со второй стороны? Возьмите бумагу, если руками скажете, что обязаны вернуть всякое в том же состоянии. Даже вымокшее?

Илла всегда умела возвращать людям письма. Почерк стёрся, залило адрес, человек переехал десять лет назад — всё равно, бывало, находила нужную дверь. Теперь маленький конверт у неё на коленях оказался собственным. На корешке Сима прочла короткую дату. После той весны прошло восемь лет. Илла погладила жёсткий угол ладонью и сказала, что дочь уехала учиться в марте, когда в их переулке ещё лежали льды.

— Я сохранила даты и наружный осмотр. Прочесть ни одной строки не справлюсь без очков. Вы сделайте пометки о времени, если вам хочется. Это не письмо совсем, — сказала Илла, опасливо прислушиваясь к поднявшемуся за спиной звуку упавшей колоды. — Это я горевала однажды, что не научила дочку покупать меня дешевле, чем собираются купить все

родственники. Болела очень, ждали её вместе с отцом к воскресенью, а она на вокзале застряла в град и ни за что не соглашалась ехать обратно. Знаете её?

У Симы был тонкий такой слух на интонации женщин, у которых спрашивают, нашлось ли хотя бы что-нибудь настоящее у них в заботе друг о друге. Она невольно повернулась к девочке, которая на большом наружном крыльце серьёзно шнуровала каблук единственного на весь год осеннего ботинка. Град тогда побил яблони, на речном вокзале смотрели за подземным ключом, все поезда стояли семь часов кряду. Девочка вроде бы ходила в мастерскую шлифовки стёкол, а потом уехала работать на дальнюю пристань и не вернулась под одно рождественское утро. Говорили о ней с одобрением: на свои ноги встала! Говорили с сомнением: отчего не любит заходить постирать платочек в их конце города? То есть, как водится, плохо знали, где она и что с нею стало в ту зиму, ибо ширина семейной карты менялась в сторону общепринятой душещипательной версии в зависимости от угощения. На ступеньку к ним вышла молодая высокая женщина в бордовом рабочем платке. Руки до самого локтя носили следы кварцевой крошки, чёрная полоска спускалась от мочки уха к скуле. Задрав край платья, она вытерла с подбородка дорожную пыль.

— Здорово, мам. Ну что, я не поняла, что ли, смысл твоего предприятия? Зовут меня Данча. Вы должны записать, что заявление будет предоставлено лично мною. И вы, и господин со странной фамилией почему-то отсутствующий.

— Дальский, — подсказала Сима.

— Я знаю, кто пишет ваши диаграммы. Он из рыбацких. Наши рыбацкие куда хитрее ваших математиков; не поспоришь с моим дедом, когда тот вождём шайки удильщиков был в немоложавые годы. Ну вот.

Она взяла с колен Симы конверт. На нём стояла отдельная, почти незаметная за засохшей бумажной чешуёй помета того дня, когда он упал на крышу. На другом краю прошиты тонкой белой ниткой мельчайшие петли воздушной почты. То, что запечатано так тщательно, не могло быть заявлением в шестую городскую прачечную. Как Тина, как те рыбаки с чужими руками за спиной, как половина страны, которые хотели говорить, не выставляясь по дешёвым стоякам на чужую потеху, Илла и Данча смотрели Симе в глаза. Она открыла свой зеленоватый рабочий журнал с промокательной бумагой. На левой стороне знак, подпись обеих и время по городским башенным часам; по правой ниже имени пусто, заштриховала лист, поднесла к лицу Данчи.

— Да, — сказала молодая. — Тогда делаем так, как мама просила. Вот, мать. Говори свою фразу.

Илла повторила, глядя прямо в западную стену.

— Я хочу, чтобы ты услышала, совсем не обязательно приезжать в воскресенье и сидеть до понедельника.

Сима глядела на конверт так напряжённо, что её здоровый правый глаз начал сам по себе проводить маленькие протяжные ёлочки вокруг предмета. Старушка справа от них перепутала скамью с тележкой и внезапно уехала до печного лотка, где ей вернули эту её прогреваемую солнцем мебель. У младших над головами мера большого гороха опрокинулась об перевёрнутое старое ведро. Князь вздрогнул, вылез при помощи раздвинутых как циркуль перепончатых лап из вёдерного океана, в который он только что сам залез по шею. Ничего не произошло.

— А теперь это я скажу, — произнесла Данча. — Вот как будто бы я это знаю, да? И я от твоего имени. Чтоб проверить, так оно или нет. Не обязательно приезжать в воскресенье.

Ничего. Сима начала писать в книжке, услыхала от входной двери вполне невинный кашель Лора и еле удержалась, чтобы не обернуться. Он успел прийти тихо, даже не касаясь звякавшего в дверях слухового колокольчика, и стоял в таком жалком полуприсяде, что в другой раз она бесспорно приняла бы его за человека, которого вечно тянет на свидания в самое неподходящее обыкновенной хромоте утро. Сегодня он собирался скорее выйти, чем помешать. Данча поманила его зачем-то рукой.

— Ну а теперь, мать, на меня посмотри и скажи как есть, а не соперничай с этим дурацким переулком.

Илла взяла её за пальцы.

— Не приезжай в воскресенье, если тебе не хочется, — сказала она. — Я писала, потому что хотела, чтоб ты была счастлива. Даже когда мне из-за этого грустно.

— Я приду в среду после прилива.

Серый почтовой бумаги ободок, в котором лежал непрочитанный конверт, приподнялся над ладонью девушки, полоска места, предназначенного для обычной государевой марки, ослабла, выступая из бумаги бесцветной водой. На ладонь выпало колечко из тонкой золотой проволоки, свитой вдвое. Крошечный красный камешек отливал радугой. Оно было слишком лёгким, чтобы приходиться кому-то на долю в обычном покупательском смысле. И всё же было настоящим. Данча положила его на спинку табуретки, где солнце выделяло каждый пучок её ножниц и щипцов, засунула пальцы в изодранный ворот и вынула второе такое же; родной ей брат сделал когда-то эти кольца из списанной латунной струны при часах. Одно оставила мама. Другое взяла она. В Иршинском порту, где мелкая птица среди волнистых лугов шагами нарезает вывезенным в отлив мидиям следы ломких шестипалых ног, Илла однажды села и после целого года ношения сплющенного колечка, разбитого на два большого целого, наконец написала то единственное письмо.

— Жаль, если бы не умела уходить, — шепнула дочь. — Я не стала бы никем, если бы ты меня тогда оставила, как куколку в стеклянном шкафчике.

Они сидели рядом и даже не плакали. Солнце упало на Иллочкин сигарный мундштук, который она, не умея курить и не собираясь в ближайшие тридцать лет учиться, носила в жилетном кармане поверх отцовской почтовой формы. Там был крючок для дотягивания до двери в низких воротцах, куда по доброй воле не полезет взрослый сытый человек. Сима захлопнула книжку и отдала Данче свежую расписку. «Для предъявления автору и получательнице по первому требованию. Записано время по городской башне». В другую графу по уговору не вписала ни слова. Вместо этого судьба прижала к страницам краешек лилового шарфа, который та носила под шейным платком. Лор с его обыкновенно занятыми руками смотрел на всё свободно, стоя на левой ноге, прищуриваясь, словно на ярком свету старался узнать знакомые строчки.

От конверта тянулась вверх нитка, тонкая, как волокно с паутинки. У неё попросили разрешения посмотреть с близкого расстояния. Данча кивнула. Нить кончалась над сиреневой шалью Иллы; дальше её было не различить даже в Лорову лупу. Два взрослых человека выпустили из бумаги старую вещь, и выглядело это проще, чем в любом балагане. Как именно получилось — совершенно непонятно. Этого маленького «непонятно» было довольно, чтобы Сима потянулась к своей тетради.

— Что ты думаешь? — спросил Лор, принимая у тихого официанта кружку укропной воды с льдинкой. Симе принесли чёрный чай с лимоном. Она кусочек лимона не выдавила в чашку, а вынула пальцами, окунула в солонку и съела целиком.

— Что настоящий адресат у письма — человек, но не только имя. Ей велели посмотреть в стенку. А сидела-то дочь у неё под боком! Это не опыт, Лор. Тут никто не хотел получить разрешение тогда, когда она глядела на стену. Только потом она сама смогла сказать. Выходит, двери открываются, когда кто-то действительно обращается к тому, кому написал. Или, может, письменное обещание становится вещественным, если на него отвечают.

— Не уверен, что ответ требуется. Сколько раз, по-твоему, можно выступать с бумагами от чужого имени ради такой простой науки? Ты видела её лицо, когда мать заговорила?

— Я даже не смогла после этого опять на неё посмотреть.

— Хороший был бы отчёт, Нево. Таблица. На первой странице крупно две буквы «Мы». Ноль попыток при человеке, не знающем об исследовании; ноль причин ничего об этом чело-

веке не знать. Полных имен и жалоб на хорошую погоду посреди непогоды тоже не полагается. Слушай. Королевскому журналу будет нужен материал про это. Тётя Тины уже получила обещания из трудовой общины, что мы с тобой будем смотреть, что делают с письмами нижние крышники. Надо договориться до ближайшего безобразия. Мы можем рассказывать друг другу о размере, исполнении, световых следах и датах, числах, действиях. О содержимом пусть говорят только те, кто его написал и кто получил, если сами хотят. Зайти с согласия одного я бы не позволил, даже если знает тебя двадцать лет и просит подать чай.

— И хранить только у тех, кому они написаны. Объединять записи. Подлинники возвращать, не запирать у себя в архиве.

Они стукнули друг о друга боками стаканов. Берег, где спорили издавна о том, что случится, если женщины разучатся письменно спрашивать своих нагулявшихся в большой столице детей, как правильно заваривать местное пиво, расцветал. Шесть дней от её предыдущего публичного испорченного опыта с солью. Три дня до первой ночи, когда Ключ нависнет прямо над Вишнёвой косой. Пришёл фельдшер, которого позвала Тина, и присел на лавку. Вечерний свет уже не резал глаз. А письмо самой Симы, которое она отдала утру, уже открытое и съёжившееся, однажды тоже может, как эта капля воды, найти своего настоящего адресата. Не хотелось сейчас ни узнавать его, ни заранее винить в этом судьбу.

Глава 6. Карманный океан

Посреди Вишнёвой косы была гостиница «Адмирал». До неё ходил курьерский фургон, захватывавший попутно посылки и обязательную для городского экономического управления стопку вычищенных кастрюль. Крышек к ним не хватало. Лавровый лист лип к чемоданам, к пальто и даже к булке, которую Сима предусмотрительно завернула в письмо от бывшей ученицы. Судя по объёму поклажи, Лор взял в поездку всю свою коллекцию чистых рубашек. Он запер один чемодан на верхней полке, а второй поставил под сиденье как раз так, чтобы ей было удобно вытянуть ноги.

— Это не всё, что с вас запросит хорошая погода, — сказал возница. — Ехать мы будем долго, болтуны короче дорогу не сделают. Адам меня зовут, и супруга просила непременно, чтобы к часу за городским навесом я был. Значит, сейчас тихонько выезжаем. Хотите, пока я вам чего-нибудь дельное расскажу про войну в латунных шахтах? Всякое про неё говорят, а у нас за стогом уже ожидает целая несовершеннолетняя вдова.

Несовершеннолетней вдовой оказался дамский велосипед, обвязанный чёрной лентой. Он принадлежал покойному береговому учителю арифметики и уезжал теперь к человеку, выигравшему его в школьной лотерее. За двадцать лет на этом велосипеде научились ездить, по скромным подсчётам, семьдесят человек. Взяв у него деньги за билет, школьная касса зачислила их на ремонт протекающей крыши. Адам подвесил руль на крюк над Симиным плечом, попросил по дороге придерживать колесо, иначе добросовестный велосипед может сослужить учёным последнюю службу и щёлкнуть одного из них по затылку.

На первых пяти шагах повозки с чужого обода сошла вода. Сима устроила у себя на груди книгу и тёплый платок, с учётом времени, которое могло понадобиться, чтобы Лор соизволил окончательно проснуться. На первых пятистах шагах она, проверив, насколько мал размер светящегося кольца на простой полоске бумаги, обнаружила, что спутник её рассматривает критически. Спросила что такое.

— Да ты ведь собираешься читать те же книги, что мой учитель, — сказал он. — Держишь карандаш за ухом, колпачок в зубах и сверху того обе руки сложены на груди. С чего начинаешь?

«Наблюдение двойных. Закрытие неяркого спутника на видимом следе и приближение к одному и тому же меридиану двух отдаляющихся друг от друга точек». Вчера вечером она всё заново перерисовала. Закрытый своими световыми остатками Ключ мог дать подсказку, когда надо уловить точную минуту появления второй звёздочки из оглобли Телеги. Это не должно было переносить на Рыжую Телегу весь набор фантазий об умирающих звёздах, которые студенты романтически увязывали между собой в один целый летящий пух. Каждая жила сама. Зубец, о котором говорили маячные, стал темнеть до того, как по официальным предсказаниям должна была рассыпаться встарь свёрнутая связка трёх звёзд. Тот, кто дважды не предупредил другой берег, как рано всё началось на этом, передавал веками одну и ту же ошибку.

— Я начинаю не по заявке. Не с того, что годовой уголь надо сэкономить. А с того, что мне тридцать три года, и я до сих пор хочу увидеть, как из-под оглобли Рыжей Телеги выйдет третья её звезда. Допускаю мысль, что они вовсе не принадлежат друг другу, что нам только свет так падает. У меня смутное нехорошее подозрение о старой таблице доктора Рейги. Он всё время сравнивал движение с Ключом, слишком хорошо там выходило. Упрямо не желала делать его поправки, пока не нашла внизу у тебя забытый позавчерашний прокол. А теперь надо специально туда посмотреть, чтобы решить. Если совет не утвердит смену в этом году, придётся ещё тринадцать лет ждать — или ехать страшно далеко, куда я, может, никогда сама не доберусь.

— Здесь правда включены обе твои вещи, непрестанная необходимость делать серьёзное дело и невозможность назвать его важность в деньгах. Мы дома за такой выход в море накануне гадаем тем, что ближайший больной может отправиться в другое более подходящее место, а рыбак вечером вынесет тебя на плечах с той стороны, куда утром и не просилась. А если ты останешься на маячной смене? Будет такое явление чуть раньше или чуть позже, чем на Короткой горе?

— Это разница в секундах или какая-то часть секунды, если часы идут одинаково; стена разная, открытый просвет здесь больше.

— А если держать рамы на нижнем втором доме высоко у ставня?

Лор впервые спрашивал по-обыкновенному скромно. Он не хотел занять её прекрасную трубу другим делом. Вишнёвая коса, где дедушкам и прочим обитателям без постоянного городского адреса доставляли упавшие с неба приветы, вполне годилась наблюдательной площадкой. Один крупный усердный опыт в двух местах. Умные вещи там, где умела только она, по её слову, не упраздняли наблюдений в другом. Впервые она спросила:

— А о чём ты будешь жалеть, если не сможешь проверить своего мальчишку с дырочкой в портовой ведомости?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.